

«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»

© ORIENTALIA®

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL MANUSCRIPTS

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ РУКОПИСЕЙ

**S. G. KLYASHTORNY
T. I. SULTANOV**

**С. Г. Кляшторный
Т. И. Султанов**

**STATES AND PEOPLES OF
THE EURASIAN STEPPE**

**ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ
ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ**

FROM ANTIQUITY TO MODERN AGE

ОТ ДРЕВНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Third edition
with addenda et corrigenda

Третье издание,
исправленное и дополненное

St. Petersburg
2009

Санкт-Петербург
2009

УДК 935

ББК 63.3(0)31

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к Новому времени. — СПб.: Петербургское Востоковедение, 2009: 3-е изд., исправл. и доп. — 432 с. — (Orientalia).

К 52

Работа посвящена проблемам происхождения, древней и средневековой истории кочевых народов Великой Степи, живших на огромных пространствах Евразии от бассейна Амура — на востоке и до Дуная — на западе. Основное внимание авторы уделяют возникновению и истории первых кочевых империй, в недрах которых сформировались вначале племенные союзы, а затем и народы, говорившие, в основном, на тюркских языках — Тюркским каганатам (VI—IX вв.), Караханидскому и Уйгурскому государствам в Центральной Азии, Болгарскому государству в Приазовье, тюркским народам и племенам в составе Монгольской империи: Золотой Орде, казахским жузам, Казахскому ханству и др.

Длительная история государственности у кочевников Евразии рассматривается в тесной связи с историей их соседей — Китая, Ирана, Византии и Руси. Тюркская государственность породила специфические формы религиозных верований и письменной культуры, создавших неповторимый облик древнетюркской цивилизации, истории которой в монографии уделено немало места. Впервые обсуждается на столь широком историографическом фоне сложнейшая проблема генетических связей древнетюркских народов с современными тюркоязычными нациями.

Тематика монографии хронологически охватывает историю почти двух тысячелетий: от древности до начала XVIII века. С вхождением Поволжья и Сибири в состав Московского царства история тюркских народов степной Евразии определялась иными геополитическими условиями — начался процесс их интеграции в Россию, судьбу которой им во многом предстояло разделить.

Книга рассчитана на преподавателей и студентов гуманитарных ВУЗов и факультетов, а также на самый широкий круг читателей, интересующихся прошлым народов Евразии.

По сравнению с первыми двумя изданиями, выходящими под названием «Государства и народы евразийских степей. Древность и средневековье», книга существенно дополнена.

Перепечатка данного издания, а равно отдельных его частей запрещена. Любое использование материалов данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издательства.

No part of this publication may be reproduced, stored in a retrieval systems or transmitted in any form or by any means: electronic, magnetic tape, mechanical, photocopying, recording or otherwise without permission in writing form of the publishing house.

ISBN 978-5-85803-411-7

9 785858 103411 7

© С. Г. Кляшторный, Т. И. Султанов, 2009

© «Петербургское Востоковедение», 2009

Зарегистрированная торговая марка

ORIENTALIA Зарегистрированная торговая марка

ПРЕДИСЛОВИЕ

На этнографической карте Евразии ясно обозначено соседство и проращение друг в друга двух мощных этнических массивов — славянского и тюркского. Именно это соседство и сращение в немалой степени определяют и диктуют реалии федеративного устройства России и ее политику в отношении крупнейших государств «ближнего зарубежья» — Казахстана, Узбекистана, Киргизии, Туркменистана, Азербайджана. Всей своей исторической судьбой связаны с современной территорией России татары и чуваша в Поволжье, башкиры в Приуралье, кумыки, ногайцы, карачаевцы и балкарцы на Северном Кавказе, татары в Западной Сибири, алтайцы, шорцы, кумандинцы, хакасы, тувинцы и тофалары в Южной Сибири, якуты и долганы в Восточной Сибири. Значительная часть тюркского населения России, включая переселенцев из Центральной Азии и Закавказья, живет вместе с другими народами, вне своих этнических территорий. По последней общесоюзной переписи 1989 г. и с учетом естественного прироста за пять последующих лет тюркское население России составляет около 14 миллионов человек, а тюркское население перечисленных государств СНГ — превышает 40 миллионов человек.

История славяно-тюркских отношений в течение веков определялась не только драматическими коллизиями, но и исполненными жизненной силой симбиотическими процессами. Последняя тенденция сохраняется и поныне. Ее преобладание остается одним из условий гражданского мира и политической стабильности в Евразии. Пренебрежение исторически сложившимися формами симбиоза ради сиюминутных экономических и политических выгод чревато трагическими последствиями для судеб миллионов людей, населяющих Евразию.

Допустимо ли рассматривать всю совокупность тюркских народов как некое единство, выходящее за границы языкового родства? С начала XX в. и по сей день существуют и противостоят друг другу два противоположных ответа на этот вопрос. Первый ответ (*пантюркизм, тюркизм*) утверждает, что все тюркские народы составляют одну нацию, имеют общую прародину — Туран, а многочисленные языки, на которых они говорят, и не языки вовсе, а лишь диалекты или наречия единого тюркского языка. Второй ответ, столь же непрекрасимый: никогда не было и не существует какого-либо тюркского этнического единства и сам термин *тюрк* первоначально обозначал не все родственные по языку племена, а лишь одну их группу. Все тюркские народы генетически связаны с территориями их нынешнего обитания. И естественно, между народами, говорящими на разных тюркских языках, существуют значительные ментальные, культурные и антропологические различия.

Обе эти крайние позиции активно эксплуатируются в политических целях. Одна помогает обосновать претензии на создание некоего единого государственного, федеративного или союзного, объединения (ассоциации) — «Великого Турана»; другая, напротив того, служит утверждению идей государственного или регионального патриотизма (национализма).

Создателем пантюркистской идеологии был турецкий философ и социолог Зия Гёкалп (1876—1924 гг.). Он сформулировал эту концепцию в двух своих работах — «Тюркизироваться, исламизироваться, модернизироваться» (версии 1913 и 1918 гг.) и «Основы тюркизма» (1923 г.). Его концепция носила культурно-исторический характер, ее политический аспект не акцентировался. Уже в первой работе Гёкалп пишет: «Родина тюрка — не Турция и не Туркестан, его родина — великая и вечная страна Туран!» [Gökalp, с. 63]. Главной задачей для тюркского мира Гёкалп считает создание общего тюркского языка и общей тюркской культуры. Здесь Гёкалп во многом повторяет и развивает идеи татарских публицистов — Исмаила Гаспринского (1851—1914 гг.) и Юсуфа Акчура (1876—1935 гг.). Особую популярность в Турции идеи Гёкалпа приобрели после второй мировой войны. Именно тогда его этнологические и философские воззрения были остро политизированы и стали основой для пересмотра истории тюркских народов в соответствующем духе. Особенно ярко идеи пантюркизма пропагандировались писателем и публицистом Нихалем Атьезом (1905—1975 гг.). Важнейшим вкладом в такого рода интерпретацию истории стали и труды российского ученого-востоковеда и крупного политического деятеля эпохи Октябрьской революции и гражданской войны Ахмета Закиевича Валидова, эмигрировавшего в Турцию и принявшего там имя Зеки Велиди Тоган. Ныне идеи пантюркизма

весьма активно пропагандируются отдельными деятелями в Азербайджане, Урало-Поволжском регионе и Центральной Азии.

Концепция автохтонизма, т. е. извечной связи народа с занимаемой им ныне территорией, первоначально проявлялась как естественная реакция на идеи пантюркизма. В 20—30-е годы, после «национального размежевания» в Средней Азии и образования союзных и автономных республик по этническому признаку, идеи автохтонизма получили мощную политическую поддержку. Именно эта концепция стала идеологической основой для обособления истории каждого народа, разделения на «национальные потоки» общерегиональных исторических процессов. Нередко позитивное ядро этих весьма содержательных по привлекаемому материалу трудов обильно сдабривалось полемическими формулировками, якобы разоблачавшими идеи пантюркизма.

Обратимся для прояснения проблемы к реалиям тюркского этногенеза, к ранним этапам этнополитической истории тюркских народов, выявленных более чем вековым трудом прежде всего российских исследователей — археологов и филологов, историков и этнографов.

Как это было на самом деле?

Современная этническая карта, отражающая расселение тюркских народов, — это результат многотысячелетних этногенетических и миграционных процессов. Древнейшие очаги тюркского этно- и глоттогенеза, т. е. очаги первоначального формирования тюркских народов и языков, неразрывно связаны с востоком Евразии — Южной Сибирью и Внутренней Азией. Этот огромный регион не был изолирован ни от соседних цивилизаций, ни от горно-таежных и степных племен иного этнического облика. Так, евразийские степи между Волгой и Енисеем еще в VI—II тыс. до н. э. занимали индоевропейские племена европеоидного расового типа, те самые «индоевропейцы», многочисленные племена которых говорили на родственных друг другу языках индоиранской языковой семьи, балто-славянской языковой семьи, германской языковой семьи и многих других родственных языках. Преобладающими в восточной части Евразийских степей были древнейшие иранские языки, те самые, на которых создавалась Авеста и проповедовал Заратуштра (конец II тыс. до н. э.).

Далее мы достаточно подробно рассмотрим «индоевропейский» период истории Великой Степи, длившийся около двух с половиной—трех тысячелетий, ибо всякая изоляция по этническому признаку во времени и пространстве искусственно вычлененных ареалов Евразийского степного пояса искажает реальную историю, открывает путь предвзятым трактовкам прошлого, используемым для односторонней политизации и националистических претензий.

По горным хребтам Алтая, протянувшимся на юг до пустыни Гоби, по долине верхнего Енисея и его притоков, прошла в ту далекую эпоху этноконтактная зона, к востоку от которой преобладали тюркские и монгольские племена, а к западу — индоевропейские. Трассы миграционных потоков, то усиливавшихся, то затихавших, пронизывали всю Великую Степь. В течение тысячелетий, вплоть до первых веков новой эры, тюркский этногенез был связан с востоком горно-степной зоны Евразии.

История взаимодействия и, отчасти, слияния всех групп древнего населения на протяжении двух—двух с половиной тысяч лет и есть процесс, в ходе которого осуществлялась этническая консолидация и сформировались тюркоязычные этнические общности. Именно из среды этих близкородственных племен во II тысячелетии н. э. выделились современные тюркские народы России и сопредельных территорий.

Многочисленные автохтонные племена (индоевропейские в Центральной Азии, угро-финские в Поволжье, Приуралье и Западной Сибири, иранские и адыгские на Северном Кавказе, самодийские и кетоязычные в Южной Сибири) были частично ассимилированы тюрками в период существования созданных ими этнополитических объединений, прежде всего гуннских государств первых веков н. э., древнетюркских каганатов второй половины I тыс. н. э., кипчакских племенных союзов и Золотой Орды уже в нашем тысячелетии. Именно эти многочисленные завоевания и миграции привели в исторически обозримый период к формированию тюркских этнических общностей на местах их современного расселения.

На протяжении всей древней и средневековой истории в среде тюркских народов складывались и преемственно закреплялись этнокультурные традиции, которые, имея зачастую различные истоки, постепенно формировали этнически существенные особенности, в той или иной мере присущие всем тюркоязычным племенам. Наиболее интенсивно формирование такого рода стереотипов происходило в древнетюркское время, т. е. во второй половине I тыс. н. э., когда определялись оптимальные формы хозяйственной деятельности (кочевое и полукочевое скотоводство), в основном сложился комплекс материальной культуры (тип жилища, одежды, средства передвижения, пища, украшения и т. п.), приобрела известную завершенность духовная культура, социально-семейная организация, народная этика, изобразительное искусство и фольклор. Наиболее высоким достижением этой эпохи стало создание тюркской рунической письменности, распространившейся со своей центральноазиатской родины (Монголия, Алтай, Верхний Енисей) до Подонья и Северного Кавказа.

Становление государственности на территории Центральной Азии, Южной Сибири и Поволжья в раннем средневековье (VI—XI вв.) связано с образованием Тюркского каганата, традиции которого были унаследованы Уйгурским каганатом, государствами кыргызов на Верхнем Енисее, кимаков и кипчаков на Иртыше, Болгарским государством и Хазарским каганатом в Поволжье и на Северном Кавказе. Единство общественного устройства, этнокультурного родства и сходство политической организации всех этих государств позволяет рассматривать время их существования и преобладания в Великой Степи как относительно цельный историко-культурный период — период степных империй.

Следует определиться с термином «империя» применительно к государствам, созданным кочевниками Азии. Не пытаясь универсализировать свой вариант определения, отметим, что понятие «империя» распространяется нами только на полиэтнические образования, созданные военной силой в процессе завоевания, управляемые военно-административными методами и распадающиеся после упадка политического могущества создателя империи. Анализ исторических ситуаций возникновения империй показывает, что завоевательный импульс был направлен не столько на расширение пастбищных территорий (это аномальный случай), сколько на подчинение территорий с иным хозяйственно-культурным типом. На первом этапе завоевания фактором, определяющим его цели, является консолидация степных племен под властью одной династии и одного племени. Затем возникают стремления, реализуемые обычно в ходе военных акций, — поставить в зависимость от консолидированной военной мощи кочевников области и государства с более сложным устройством и более многообразной хозяйственной деятельностью. Такой баланс сил предполагает конечный итог — данническую зависимость или какие-либо формы непосредственно политического подчинения. Именно на этой стадии государства, созданные кочевыми племенами, преобразуются в империи.

Монгольское нашествие захватило и вовлекло в водоворот политических и военных потрясений множество тюркских племен, по преимуществу кипчакских, которые к тому времени составляли основное население степи — от Великой Китайской стены до Дуная. Сами монголы после походов XIII в. частью вернулись на свою родину, частью постепенно растворились в тюркском массиве Средней Азии и Поволжья. Сохраняя зачастую древние монгольские племенные названия, они утрачивали свой язык, мусульманизировались, их знать сливалась со знатью тюркских племен. Новые тюркские аристократические роды присваивали себе монгольские генеалогии. Вплоть до XX в., например, среди казахов претендовать на высшие

титуты могли лишь те, чьи *шеджере* (родословные списки) подтверждали происхождение из «золотого рода» Чингизидов.

Перемешавшиеся в ходе завоеваний и бесконечных переселений XIII—XVI вв. племена поселялись на новых землях, раздвигая политические границы Великой Степи. Так, на рубеже XV—XVI вв. кочевые племена узбеков Дешт-и Кипчака (Кипчакской степи), возглавленные Чингизидом Мухаммадом Шейбани-ханом, овладели большей частью Средней Азии и создали Узбекское государство Шибанидов (потомков Шибана, сына Джучи, старшего сына Чингиз-хана). Другая часть узбеков Восточного Дешт-и Кипчака, узбек-казахи, еще в 70-х годах XV в. создала Казахское ханство. На землях, расколовшихся и обособившихся улусов Монгольской империи, управляемых Чингизидами, начался новый этап тюркского этногенеза — этап интенсивного смешения с субстратным населением, начальный этап формирования современных тюркских народов.

Вместе с тем XVIII—XIX вв. в истории государств Средней Азии и Казахстана, вплоть до присоединения к России, были эпохой относительной изоляции этого огромного региона, эпохой непрерывных усобиц, приведших к политическому, хозяйственному и культурному застою, эпохой деспотической власти сравнительно небольших элитарных групп, из среды которых выдвигались ханы, и полного бесправия основной массы населения, значительная часть которого жила в крайней бедности. Лишь начавшееся в XIX в. развитие русско-туркестанских экономических и культурных связей привело к постепенному оживлению хозяйственной жизни и новому росту городов и торговли.

Итак, принимая тезис об относительном сходстве исторических судеб большинства тюркских племен и народов на протяжении не менее чем двух тысячелетий, связанности их этнической истории в рамках общей истории Евразии, мы отказываемся и от тезиса об извечном существовании единой тюркской нации, и от тезиса об извечном автохтонизме современных тюркских народов.

Следует особо оговорить значимость для истории и повседневной жизни Казахстана и Средней Азии одного из важнейших факторов ее хозяйственно-культурного развития, во многом predeterminedного экологией региона. Речь идет о преобладании здесь (преимущественно в степной и горно-степной зоне) кочевого образа жизни, обусловленного основным типом хозяйственной деятельности — экстенсивным скотоводством. Именно кочевое скотоводческое хозяйство позволило на рубеже II—I тыс. до н. э. начать освоение казавось бы бескрайних пространств Великой степи — аридного пояса Евразии. В течение нескольких тысячелетий кочевое хозяйство оставалось безальтернативным способом экономического освоения степей, а коче-

вой быт — единственной формой жизни населяющих степь племен и народов. В XIX—XX вв. появились многочисленные исследования, посвященные кочевничеству как хозяйственному, социальному, политическому и культурному феномену (см., например: [Хазанов, 2000; Крадин, 2007; Барфилд, 2009]). В дальнейшем будут рассмотрены история кочевых народов Центральной Евразии, их хозяйственный быт, культура, политическая и государственная организация. Здесь же мы коснемся только одного вопроса — пессимистической футурологической оценки кочевничества. Она связана с очень низким и очень консервативным технологическим уровнем этого типа хозяйственной деятельности и отсутствием потенциала для каких-либо изменений, а равно с его жесткой привязкой к экологически ограниченной зоне и малой устойчивостью к воздействию неблагоприятных природных факторов. До определенной эпохи столь существенные недостатки частично компенсировались тесной привязкой кочевнических сообществ к странам с развитой оседло-земледельческой и городской жизнью. Чаще всего такая привязка обеспечивалась не экономической заинтересованностью стран с оседлой культурой, но военным потенциалом кочевников. Война, завоевание, набег, принуждение к разного рода выплатам зачастую были в Центральной Евразии наиболее действенными для кочевников формами сосуществования с оседлыми соседями, отодвигавшими на второй план обмен, торговлю и иные формы экономического симбиоза. В XVI—XVIII вв., после существенных преобразований в области военных технологий в урбанизированных странах Евразии, военное преимущество кочевников было навсегда утрачено, а вместе с тем существенно снизились возможности компенсации экономических и экологических недочетов кочевых хозяйств, которые все чаще становились специализированным сырьевым придатком быстро развивающегося индустриально-аграрного мира. Во всяком случае, с наступлением Нового времени существование кочевых сообществ в прежних формах и параметрах и самый характер их сосуществования с «внешним миром» претерпели значительные изменения; полностью выявился тупиковый характер развития в прежних социально-экономических и политических формах. Новая эпоха существенно изменила повседневную жизнь Центральной Евразии, оказав системное воздействие на исторические судьбы монгольских и тюркских народов.

Историческое взаимодействие Руси—России с Тюркским миром имеет полуторатысячелетнюю историю и первоначально осуществлялось отнюдь не в мирных формах. Расселение тюркских племен на запад из Центральной Азии в V—XV вв. породило по меньшей мере два опыта военно-политической интеграции евразийского пространства — огуро-тюркский в V—X вв. и монголо-тюркский в XIII—

XV вв. Начавшееся в XVI в., когда ясно обозначилось аграрное перенаселение российского центра, расширение сферы российской государственности на восток и юго-восток и сопровождавшие его миграционные процессы были столь же неизбежны, как в предшествующее время расселение тюркских народов, чьей хозяйственной базой являлось кочевое скотоводство на западе Евразийских степей. Показательно, что, различаясь хронологически, эти процессы, охватившие южные пространства России, Приуралья и Поволжья, Сибири и Северного Казахстана, в ареальном отношении совпадали. Но, в отличие от западных миграций тюркских народов, русское распространение на восток и юго-восток имело иную хозяйственную подоплеку — экономической базой этого мощного миграционного потока было пашенное земледелие. Пашня не вытеснила пастбище, но совместилась с ним, породив новые типы хозяйственного симбиоза.

Создававшиеся кочевниками государственные образования Великой Степи отличались крайней неустойчивостью, низкой конфликторазрешающей способностью. Они не обеспечивали безопасность хозяйственной деятельности, более того — порождали постоянные войны, зачастую завершавшиеся подлинным геноцидом. Так, в 1723—1727 гг., запечатленная в народной памяти казахов как «годы великого бедствия», значительная часть казахского народа, раздробленного на враждовавшие между собой владения, была вырезана джунгарами. Впрочем, эта страшная резня была лишь продолжением серии джунгарских вторжений 1681—1684, 1694, 1711—1712, 1714—1717 гг. Устанавливая новую систему властных отношений, Россия выполняла миссию умиротворения Великой Степи, а позднее — Туркестана, стягивая воедино геополитическое пространство Евразии.

Таким образом, история тюркских народов, вместе с другими племенами кочевого населения Великой Степи, является органической частью общей истории Евразии и с древнейших времен неотделима от истории славянских государств Восточной Европы. Хотя впоследствии, в XVI—XIX вв., преобладающая часть этих народов, больших и малых, вошла в состав многонациональной Российской империи, процессы исторической жизни Пашни и Степи сохраняли, вплоть до середины нашего тысячелетия, относительную внутреннюю самостоятельность. Сложение общего для них геополитического пространства, начавшееся одновременно с возникновением Киевской Руси и хазаро-болгарских государств в Северном Причерноморье и Поволжье, интенсифицировалось значительно позднее.

Поэтому рассмотрение истории тюркских народов и созданных ими государственных образований лишь в аспекте истории России—СССР, как это было в недавнем прошлом, методически неоправданно и практически лишает тюркские народы Евразии собственной нацио-

нальной истории. Назрела необходимость в монографии, которая содержала бы последовательное и многоаспектное освещение проблем происхождения тюркских народов, их ранней истории, а также истории территорий, с которыми связан тюркский этногенез, освещение вопросов возникновения государственности и ее развития у тюркских народов, формирования хозяйственно-культурных типов, присущих этим народам, их традиционных верований, сложения этнических и национальных культур.

Предлагаемая читателю монография, естественно, не претендует на полное изложение истории тюркских народов. Из всего многообразия их прошлого мы выделили лишь то, что составляет костяк древней и средневековой истории — основные события прошедших веков, формирование хозяйства, религиозной идеологии, культуры и государственности, рассмотренные в связи и взаимодействии с историей других народов и государств Евразии. Хронологически книга охватывает события, происходившие на территориях формирования тюркских народов в течение более чем трех тысячелетий. Необходимость рассмотрения исторически длительного периода диктуется резкой сменой этапов и направления этногенетических процессов, их последовательным усложнением. Пики этнических переломов приходятся на начало и середину II тыс. до н. э., середину I тыс. н. э., XIII—XVI вв., вторую половину XIX—XX в.

Мы завершаем свое изложение на времени вхождения тюркских государств Поволжья и Сибири в состав Московского царства — Российской империи. С этого времени тюркские народы Евразии оказались в иных геополитических условиях. Начался процесс их интеграции в состав России, судьбу которой им предстояло разделить.

* * *

Предисловие, первая, вторая, третья, четвертая и пятая главы монографии написаны С. Г. Кляшторным, шестая, седьмая, восьмая, девятая и десятая — Т. И. Султановым.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ В ТЕКСТЕ

КРО	Казахско-русские отношения в XVI—XVIII веках: (Сб. документов и материалов). Алма-Ата, 1961.
МИКХ	Материалы по истории Казахских ханств XV—XVIII веков: (Извлечения из персидских и тюркских сочинений). Алма-Ата, 1969.
МИПСК	Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960.
МИТТ	Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: VII—XV вв. М.; Л., 1939.
СМИЗО	Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / Сост. В. Тизенгаузен. Т. 1: Извлечения из сочинений арабских. СПб., 1884; Т. 2: Извлечения из персидских сочинений / Сост. В. Г. Тизенгаузен, обработка А. А. Ромаскевича и С. Л. Волина. М.; Л., 1941.

SUMMARY

STATES AND PEOPLES OF EURASIAN STEPPES: FROM ANTIQUITY TO MODERN AGE

The work is dedicated to the problems of provenance, ancient and medieval history of nomadic peoples who had inhabited huge territories of Eurasia from the Amur river basin in the east up to the Danube river in the west. The researchers pay their main attention to the origin and history of the first nomadic empires: Turkic Qa'anates (6—9 centuries), Qarakhanid and Uyghur states in Central Asia, Bulgar state in the Sea of Azov region, Turkic peoples and tribes within the Mongol empire: the Golden Horde, Kazakh zhuzes and Kazakh kanate. Tribal unions and later peoples speaking Turkic languages formed in the depths of these empires.

Long-time history of state systems of Eurasian nomads is examined in close relation with the history of their neighbours, those from China, Iran, Byzantine and Russ. Turkic state system had created specific forms of religions beliefs and literary culture that created a unique aspect of ancient Turkic civilization. Its history is paid much attention in the monograph as well. An especially complicated problem of genetic ties of ancient Turkic peoples with contemporary Turkic-speaking nations is discussed at such a vast scale for the first time.

The book has been aimed for lecturers and students of institutions and faculties of humanities, as well as for the vast range of those readers interested in the past of Eurasian peoples.

Кляшторный Сергей Григорьевич (слева) — историк-тюрколог, профессор, заведующий сектором тюркологии и монголистики Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (ныне Институт восточных рукописей РАН) с 1964 г. по настоящее время. В 1947—2000 г. участник, а затем и руководитель ряда археологических и эпиграфических экспедиций в Средней Азии, Казахстане, Киргизии, Туве, Южной Сибири и Монголии. Автор более 280-ти научных работ по истории и культуре тюркских народов и древней истории Центральной Азии.

Султанов Турсун Икрамович (справа) — доктор исторических наук, профессор. Окончил в 1967 г. кафедру истории стран Ближнего и Среднего Востока Восточного факультета Ленинградского государственного университета, в 1970 г. — аспирантуру Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР. С 1970 по 1974 г. работал в Институте истории, археологии и этнографии АН Казахстана, с 1974 по 1996 г. — в Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН. С 1996 г. заведует кафедрой Центральной Азии и Кавказа Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Автор книг: «Кочевые племена Приаралья в XVI—XVII вв. (Вопросы этнической и социальной истории)». М., 1982; «Казахстан. Летопись трех тысячелетий» (совместно с С. Г. Кляшторным). Алма-Ата, 1992; «Поднятые на белой кошке. Потомки Чингиз-хана». Алматы, 2001; «Рождение казахской государственности. История Казахского ханства». Алматы, 2003; «Чингиз-хан и его потомки». Алматы, 2003 и более ста тридцати статей на русском, западноевропейских и восточных языках.

Первое издание книги отмечено дипломом Санкт-Петербургского университета как лучшее издание 2000 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
ГЛАВА I. РАННИЕ КОЧЕВНИКИ ВЕЛИКОЙ СТЕПИ	14
Евразийская прелюдия	15
Эпоха боевых колесниц	19
Страна ариев	25
Землепашцы и строители городов	37
Саки	42
Средняя Азия в I тыс. до н. э.	57
ГЛАВА II. ДРЕВНИЕ ИМПЕРИИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ	61
Этнолингвистическая ситуация в Великой Степи в начале	
I тыс. н. э.	61
Срединное царство и «Страна демонов»	63
Северные народы в повествовании Сыма Цяня	67
Держава гуннских шаньюев	70
Юэчжи и гунны	72
Хозяйство, общественное и государственное устройство	
гуннов	77
Расцвет и упадок кочевой империи	84
Гунны у границ Римской империи	86
Гунны между Алтаем и Аралом	87
Кушанское царство в Средней Азии	91
Кангюй	94
Средняя Азия в IV—VI вв.	97
ГЛАВА III. СТЕПНАЯ ИМПЕРИЯ ТЮРКОВ	100
Сложение древнетюркского союза племен	102
Общая концепция этнической истории древнетюркских	
племен	106
Первый Тюркский каганат (551—630 гг.)	111
Тюрки в Средней Азии	114
Тюркский каганат, Сасанидский Иран и Византия.	
Шелковый путь	117
Западнотюркский каганат. Согдийские колонии Семиречья	118

Возрождение Восточнотюркского каганата. Тюркешский каганат. Борьба с арабами	122
ГЛАВА IV. НАСЛЕДНИКИ ТЮРКСКОГО ЭЛЯ	129
Уйгурский каганат и Карлукское государство. Караханиды	129
Кипчаки и половцы	139
Татары в Центральной Азии	160
Болгары, хазары и берсилы в евразийских степях	168
Праславяне в Поволжье	177
ГЛАВА V. ОБЩЕСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО, КУЛЬТУРА И ВЕРОВАНИЯ ДРЕВНЕТЮРКСКИХ НАРОДОВ	182
Общественные идеалы и социальное устройство в древнетюркских государствах	182
Памятники письменности тюрков Центральной Азии и Сибири в раннем средневековье	194
Религия и верования	200
ГЛАВА VI. ТЮРКСКИЕ ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОГО ЗАВОЕВАНИЯ	210
Монголо-татары и Чингиз-хан	210
Яса и билики Чингиз-хана	215
Начало династии Чингизидов	220
Концепция верховной власти у древних монголов	221
Сложение монгольского государства с центром в Поволжье — Золотой Орды (Джучиев Улус)	229
Основные черты устройства Золотой Орды	240
Тюркские племена в составе Джучиева Улуса, их миграции и этническая история	251
Распад Золотой Орды и возникновение новых тюркских государств	262
Исламизация кочевников Дешт-и Кипчака	268
Культура золотоордынского времени	278
ГЛАВА VII. «МУИЗЗ АЛ-АНСАБ» И ЧИНГИЗИДЫ «КИЖЕ»	282
«Книга, прославляющая генеалогии»	283
Роковая ошибка и ее последствия	286
ГЛАВА VIII. СУДЬБА ВЛАСТНОЙ ЭЛИТЫ ВОСТОЧНОГО ДЕШТ-И КИПЧАКА И СТЕПНОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	291
Время образования Казахского ханства	291
Казак: историко-политологическое и этническое содержание термина	296
Хозяйство и быт кочевников	303
Военное дело	320
Люди «белой кости» и люди «черной кости»	326

Улусы и жузы	336
ГЛАВА IX. ДЖУЧИДЫ НА ТРОНАХ ИСКЕРА, БУХАРЫ И ХИВЫ	345
Род Шибана, сына Джучи	351
Бухарское ханство	355
Хивинское ханство	371
Государство Аштарханидов	379
ГЛАВА X. РОССИЯ И КАЗАХСТАН	387
Первые контакты и политические связи Казахстана и России	387
Пашня и Степь — формы и результаты взаимодействия двух миров	394
Цитированные источники и литература	404
Список сокращений, использованных в тексте	418
Summary	419
Об авторах	420

серия
ORIENTALIA™

Сергей Григорьевич Кляшторный
Турсун Икрамович Султанов
ГОСУДАРСТВА И НАРОДЫ ЕВРАЗИЙСКИХ СТЕПЕЙ:
ОТ ДРЕВНОСТИ К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

Макет подготовлен издательством
«Петербургское Востоковедение».

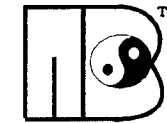
Набор — Т. В. Чудинова
Редактор — И. П. Сологуб
Корректоры — Н. В. Пивоварова, Р. Н. Ишбулатова
Технический редактор — Т. В. Чудинова

Издательство
«Петербургское Востоковедение»
✉ 198152 г. Санкт-Петербург, а/я 111
☞ web-site: [www.http://pvost.org](http://pvost.org)
☞ e-mail: pvcentre@mail.ru

Подписано в печать 01.10.2009. Формат 60×90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная
Гарнитура основного текста «Таймс»
Объем 27 печ. л. Тираж 1000 экз.
Заказ № 4028

PRINTED IN RUSSIA

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП «Типография „Наука“»
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies»
Publishers

founded in 1992
in 2003 was included into
«The Golden Book of Saint-Petersburg Enterprises»
Address: POBox 111, St. Petersburg, Russia, 198152
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: www.pvost.org

The Publishing House specializes mainly on publications of the *scientific* and *popular science* literature on the Oriental studies (in close collaboration with the Institute of Oriental Manuscripts RAS, Oriental faculty of the St. Petersburg State University and Museum of Anthropology and Ethnography Kunstkamera RAS), as well as publications of St. Petersburg scholars-humanitarians in the field of the traditional culture and translations of important cultural monuments of the East.

Awards of the Publishing House: in 1996 it received a special diploma of the Saint-Petersburg Book Saloon for publication of the first Russian translation of the Quran (by General D. N. Boguslavsky).

The National Association of book-publishers regularly awards the Publishing House with the diplomas for original book projects at the annual competitions «The Best Book of the Year». The books of the Publishing House has been awarded several times with the diplomas of the St. Petersburg State University for the best University books of the year.

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» was twice the UNESCO prize-winner for the best publication of the great value for the dialogue between cultures (in 2002 and 2004).

In 2002 the book by Ye. A. Rezvan «Quran and Its World» was announced the best book at the traditional competition of the National Association of book-publishers of Russia. Later the book was awarded the national prize of the Islamic Republic of Iran as «The Book of the Year in 2003».

«St. Petersburg Centre for Oriental Studies Publishers» is a prize-winner of «The Book of the Year – 2005» in the field of «Humanities» and the first laureate in the competition «Art of Book» organized by the Union of Independent States (for the book by Ye. A. Rezvan «Quran of 'Uthman»).

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Образовано в 1992 году
В 2003 году внесено
в «Золотую книгу предприятий Санкт-Петербурга»
Почтовый адрес: 198152, г. Санкт-Петербург, а/я 111
E-mail: pvcentre@mail.ru
Web-site: <http://www.pvost.org>

Специализация издательства: прежде всего — *научная и научно-популярная литература по востоковедению* (в тесном сотрудничестве с Институтом восточных рукописей РАН, Восточным факультетом Санкт-Петербургского государственного университета, а также Музеем антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН), затем — издание трудов петербургских ученых-гуманитариев, преимущественно *в области традиционной культуры*; издание *переводов* важнейших культурных памятников стран Востока.

Награды издательства: в 1996 году за издание первого русского перевода Корана (в переводе генерала Д. Н. Богуславского) «Петербургское Востоковедение» получило специальный диплом Петербургского книжного салона.

Национальная Ассоциация книгоиздателей регулярно отмечает лауреатскими дипломами оригинальные книжные проекты издательства в ежегодном конкурсе «Лучшие книги года». Книги издательства неоднократно награждались дипломами Санкт-Петербургского государственного университета как лучшие университетские книги года.

Издательство — дважды лауреат дипломов ЮНЕСКО за лучшее издание, вносящее значительный вклад в диалог культур (2002, 2004).

В 2002 году лучшей книгой традиционного конкурса национальной Ассоциации книгоиздателей России была признана книга Е. А. Резвана «Коран и его мир», которая впоследствии стала лауреатом национальной премии Исламской Республики Иран «Книга года» за 2003 год.

Издательство — лауреат конкурса «Книга года-2005» в номинации «Humanitus», а также первый лауреат конкурса «Искусство книги», проводимого Содружеством независимых государств (дипломы за книгу Е. А. Резвана «Коран Усмана»).

ORIENTALIA

В серии вышла книга:

**Е. В. Ревуненкова.
СУЛАЛАТ-УС-САЛАТИН:
малайская рукопись Крузенштерна и
ее культурно-историческое значение**

СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2008. 672 с.

Настоящая книга имеет целью введение в научный оборот знаменитого малайского исторического памятника (XV—XVI вв.), рукопись которого была привезена из Малайи И. Ф. Крузенштерном в 1798 г. Начиная с 1799 г. она хранится в Архиве Института восточных рукописей в Санкт-Петербурге.

Книга включает введение в изучение памятника, перевод текста, комментарии к нему (историко-этнографический, филологический и текстологический), а также полное факсимиле рукописи.

Автор исследует историю создания памятника в тесной связи с изучением исторического окружения, в котором быт и реальные события сплелись воедино с мифологическими, легендарными и сказочными мотивами.

Историко-этнографический и филологический подход к тексту памятника позволяют выявить специфику исторического сознания средневекового малайца, а также значение исследуемого текста в истории малайской культуры.

Фольклорные сюжеты и литературные реминисценции, нашедшее отражение в «Сулалат-ус-салатин», свидетельствуют о широких культурных связях Малайи (и прежде всего Малаккского султаната) со странами Ближнего и Дальнего Востока.

Издание предназначено для специалистов, занимающихся этнографией, историей и литературой средневекового Востока.

 ORIENTALIA

В серии вышла книга:

УГОЛОВНЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ТАН С РАЗЪЯСНЕНИЯМИ (ТАН ЛЮЙ ШУ И)

Введение, перевод с китайского и комментариев В. М. Рыбакова

Том 1: Цзюани 1—8. СПб., 1999. 384 с.

Том 2: Том 2: Цзюани 9—16. СПб., 2001. 304 с.

Том 3: Цзюани 17—25. СПб., 2005. 384 с.

Том 4: Цзюани 26—30. СПб., 2008. 416 с.

Уголовный кодекс китайской династии Тан (618—907) принадлежит к немногочисленной группе величайших правовых памятников мировой цивилизации. Помимо того, что он является первым из дошедших до наших дней полных юридических сводов, именно в нем были сформулированы и детализированы в конкретных законах основные принципы, которые легли затем в основу китайского законодательства и стали определяющими для Китая вплоть до XX века (в опосредованном виде они проявляются и поныне). Поскольку Китай в ту пору был цивилизационным центром всей Восточной и Юго-Восточной Азии, принципы танского кодекса оказали несомненное и значительное влияние на правотворчество всех сопредельных Китаю стран.

Это полный перевод Танского кодекса на русский язык.

 ORIENTALIA

В серии вышла книга:

Вячеслав Рыбаков. ТАНСКАЯ БЮРОКРАТИЯ. Часть 1: Генезис и структура.

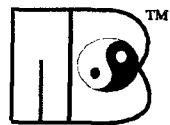
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2009. 512 с.

Монография В. М. Рыбакова «Танская бюрократия. Часть 1: Генезис и структура» представляет собой проведенное на материале китайских источников VII—X вв. первое систематическое исследование управленческого аппарата династии Тан (618—907).

Автор показывает, как необходимость обеспечить эффективное управление экономикой страны обусловила потребность в идеологических факторах, которые ненасильственными методами ограничивали бы самоуправство и своекорыстие чиновника. Оптимальной из наличных идеологий такого рода на момент становления империи в Китае оказалось конфуцианство.

В монографии рассматриваются основные аспекты жизни служилого слоя, внутренняя динамика чиновничества, а также то, какое значение для него имели конфуцианские семейные ценности, по образцу которых государство старалось выстроить служебную этику управленцев.

В монографии описана структура административных органов и учреждений Китая времени династии Тан, а также их функции. Автором предложена оригинальная система передачи названий китайских учреждений и должностей на русский язык. В приложении дан иероглифический индекс фигурирующих в работе административных наименований танского времени.

**РУМИ, ДЖАЛАЛ АД-ДИН, МУХАММАД.
МАСНАВИ-ЙИ МА‘НАВИ
(«Поэма о скрытом смысле»)**

Дафтар 1 (байты 1–4003). Пер. с перс. О. Ф. Акимушкина,
Ю. А. Иоаннесяна, Б. В. Норика, А. А. Хисматулина,
О. М. Ястребовой. Общ., науч. редакция и указ. А. А. Хисматулина
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2007. 448 с.

Суфийская поэма Маснави, созданная великим Мастером, основателем суфийского братства Маулавийа, шайхом Джалал ад-дином Руми, по праву входит в число шедевров мировой литературы. Едва ли в поэзии за все время ее существования найдется нечто подобное, что органично включало бы в себя в огромном объеме цитаты из какого-либо священного текста так, как это сделано в Маснави ее создателем с использованием Корана и пророческих преданий. Во многом поэтому, спустя почти два века после появления Маснави, другой суфийский поэт из братства Накшбандийа, ‘Абд ар-Рахман Джамии назвал ее Кораном на персидском языке. Текст Маснави, написанный в XIII в. по Р. Х., и поныне пользуется колоссальной популярностью во всем ираноязычном регионе как в изустном бытовании, так и в письменной традиции, что уж говорить о последователях суфизма, которые приникают к нему как к кладезю мистического опыта Мастера с большой буквы.

Настоящее издание, подготовленное к отмечаемому в 2007 г. 800-летнему юбилею со дня рождения Руми, представляет собой филологический перевод на русский язык 4003 байтов, составляющих первый из шести дафтаров (тетрадей) Маснави, общий объем которых насчитывает 25632 байта. Перевод текста выполнен на основе Кунийского списка, отредактированного самим автором, сопровождается необходимым комментарием на основе самых надежных толкований, снабжен несколькими указателями и оригинальным текстом первого дафтара для специалистов, владеющих фарси. Издатели выражают надежду, что в ходе перевода был бережно сохранен дух оригинальной поэмы, равно как и вложенная в нее душа автора. Но об этом судить уже читателю!

**РУМИ, ДЖАЛАЛ АД-ДИН, МУХАММАД.
МАСНАВИ-ЙИ МА‘НАВИ
(«Поэма о скрытом смысле»)**

Дафтар 2 (байты 1–3810). Пер. с перс. М.-Н. О. Османова.
Общ. редакция, коммент. и указ. О. М. Ястребовой.
СПб.: «Петербургское Востоковедение», 2009. 384 с.

Суфийская поэма Маснави, созданная великим Мастером, основателем суфийского братства Маулавийа, шайхом Джалал ад-дином Руми (1207—1273), по праву входит в число шедевров мировой литературы. Едва ли в поэзии за все время ее существования найдется нечто подобное, что органично включало бы в себя в огромном объеме цитаты из какого-либо священного текста так, как это сделано в Маснави ее создателем с использованием Корана и пророческих преданий: не случайно поэму называют Кораном на персидском языке.

Текст Маснави, написанный в XIII в. по Р. Х., и поныне пользуется колоссальной популярностью во всем ираноязычном регионе как в изустном бытовании, так и в письменной традиции, что уж говорить о последователях суфизма, которые приникают к нему как к кладезю мистического опыта Мастера с большой буквы.

Настоящая книга продолжает издание филологического перевода Маснави на русский язык. В 2007 г. в издательстве «Петербургское Востоковедение» вышел первый дафтар поэмы (под ред. А. А. Хисматулина), объемом в 4003 байта. Это издание стало победителем национального конкурса «Книга года» Исламской Республики Иран (2007).

В 2009 г. издательство выпускает второй из шести дафтаров (тетрадей) Маснави, объемом в 3810 байтов. Перевод текста выполнен известнейшим ученым и знатоком коранической традиции профессором М.-Н. О. Османовым, сопровождается необходимым комментарием на основе самых надежных толкований, снабжен несколькими указателями и оригинальным текстом второго дафтара для специалистов, владеющих фарси.

Полный перевод будет состоять из шести томов.

**Издательство
«ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ»**

Наши книги всегда в продаже в следующих магазинах:

*Розница и мелкий опт:
«Университетская книга»*

*В Санкт-Петербурге:
Санкт-Петербург, ул. Бронницкая, д. 17 (во дворе)
Тел.: (812) 317-89-72; e-mail: ukniga@sp.ru*

Розница:

**Специализированный магазин книг по восточной тематике
«Восточная коллекция»**

*Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»
Возможность заказа книг из Санкт-Петербурга по тематическому плану и по индивидуальным заявкам
Москва, Большой Левшинский пер., д. 8/1, стр. 2
(м. «Смоленская», «Кропоткинская», «Парк культуры»)
Тел.: (095) 637-34-38, 637-74-90
e-mail: east_coll@hotmail.ru*

**Специализированный книжный магазин
гуманитарного профиля**

«Университетский книжный салон»
*Отдельный стенд Центра «Петербургское Востоковедение»
Возможность индивидуального заказа книг нашего издательства
Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 11
(м. «Василеостровская»)
Тел.: (812) 328-95-11; e-mail: 3286213@mail.ru*

**Электронный магазин книжной торговли:
<http://ozon.ru>**